Климентина Чугункина

Тройственность кошмара (Готическая симфония)

18+

Климентина Чугункина

Тройственность кошмара (Готическая симфония)

«Автор»
2026

Чугункина К.

Тройственность кошмара (Готическая симфония) /
К. Чугункина — «Автор», 2026

Решив посвятить свои каникулы изучению местных легенд, герой отправляется в увлекательное велопутешествие по ближайшим окрестностям. В небольшом городке в витрине одного магазинчика внимание его приковывают восковые фигуры. Впечатлённый мастерством их создателя, он пытается разузнать больше, и собственное расследование приводит его к старинному особняку на окраине. Неожиданно нагрянувшая непогода как нельзя кстати позволяет на время приютиться под его крышей. В одной из комнат обнаруживается рукописный свиток, содержащий в себе не менее таинственную историю, чем та, в которой герой заплутал в реальности. Что же дальше - раскрытие страшной тайны или жуткий эпилог?

© Чугункина К., 2026
© Автор, 2026

Климентина Чугункина
Тройственность кошмара
(Готическая симфония)

Тем, кто любил, но потерял

В середине октября я, наконец, получил долгожданный отпуск, который намеревался посвятить путешествию по небольшим населённым пунктам и деревушкам западного побережья. Избрав фольклор своей научной стезёй, я намеревался изучить после тщательного записывания из уст рассказчиков местные легенды и истории о сверхъестественном в местах, отмеченных в моём маршруте. Я планировал собрать достаточное их количество, которое послужило бы основой для моей новой научной работы и дало бы возможность получить следующую учёную степень.

Так что я запасся всем необходимым и отправился в путь. В первую очередь меня интересовали истоки возникновения устных преданий о сверхъестественном и время, когда о них впервые заговорили местные жители, потому я работал подобно журналисту в погоне за сенсацией, стараясь лично осматривать места, связанные с загадочными происшествиями, и расспрашивать людей, имеющих к ним отношение. В основном старожилы и словоохотливые одинокие старушки располагали массой информации, и я теребил их. Но не только работе я посвящал свой отпуск. Путешествуя налегке и пользуясь при случае велосипедом, я приобщался к мирной сельской жизни, отдыхал на лоне природы и становился невольным свидетелем некоторых забавных эпизодов из жизни простых обывателей.

Так, например, я подслушал и подсмотрел любовную сценку, отдыхая в овраге и оставаясь невидимым для тех, кто проходил мимо по дороге. Я увидел, как представительный пожилой мужчина в костюме, совершенно не подходящем для этих условий, преподнёс уже немолодой элегантной женщине, по наружности всю жизнь прожившей в деревне, большой букет крупных роз. Я сразу определил, что он живёт в городе и приезжает сюда единственно ради встреч с ней. Она же выдавала благодарность за ложную скромность и укоряла его за то, что он потратился и вёз эти цветы с самого города. Ей вообще ни к чему этот букет, у них сколько хочешь полевых цветов. Она говорила, его приезд излишен, но чувствовалось, что ей приятно видеть и его самого, и получить эти розы. Тем более что неподалёку стояли две её подружки, и этот эпизод происходил на глазах у них. Вся поза этой женщины как бы говорила, смотрите, в таком возрасте я ещё пользуюсь популярностью у мужчин из города. А где же ваши поклонники? Как всё-таки любопытно наблюдать за простой жизнью!

Однако кое-где местный люд с опаской относился ко всем пришлым и приезжим. Настойчивые расспросы с моей стороны лишь заставляли некоторых из них замыкаться глубже в себе. Разговорчивых же следовало умаслить выпивкой, после которой их рот раскрывался ещё охотнее, и они уже без сожалений и опасений делились с тобой жутковатой историей. В других местах следовало только незаметно наблюдать издалека и догадываться о том, что не было сказано, чему пример описанная выше занимательная сценка. Сельские жители были как дикие животные, позволяющие разглядывать себя только тогда, когда ты делаешь вид, что не замечаешь их. Но у людей из городов тоже есть свои недостатки.

Тем не менее, со мной не случилось ни одной неприятности, а содержимое моих заметок изрядно пополнилось местным фольклором. Говорят, каждое почтенное английское семейство прячет свой скелет в шкафу. Я же отныне мог с уверенностью заявить, что в каждом американском поселении с населением до пятисот человек, проживает свой леденящий душу маньяк-самоубийца, призрак, упырь или не вполне ясное человекоподобное существо, как, например,

в одном приморском городке, полном так называемых рыболягушек. И любой из них зародился так давно, что событие тех дней уже обязательно успело обрасти дополнительными слухами и нелепыми домыслами.

Так прошло две недели, после чего я прибыл в относительно небольшой городок на велосипеде после четырёхчасовой езды из одной деревушки, в которой провёл три прекрасных дня. Я понимал, что задержался, но там, на свежем воздухе, под открытым небом, было так хорошо, что я впервые по-настоящему понял значение слова отпуск. Да и деньки стояли просто чудесные перед надвигающейся зимой. И я прибыл сюда в надежде тоже задержаться на несколько дней, и пока крутил педали, осматривал, что где находится, да подыскивал недорогую гостиницу. И тут вдруг я заметил нечто такое, что заставило меня остановиться и перейти на противоположную сторону дороги, к магазину.

Не совсем магазин в понимании горожанина. Это была одна из тех небольших лавок, в которых всегда продают всякую всячину, а внутри тесно и в любой час толкутся покупатели. Вот и сейчас одни входили, другие выходили, третьи приценивались, а четвёртые покупали. Я замер, стараясь разглядеть подробности того, что было выставлено в витрине. А стояла там небольшая сценка из фильма «Малыш» - Чарли Чаплин и Джеки Куган в образе бродяжки и его приёмного сына, любителя разбивать чужие окна. Всё у них как полагается, и восковые фигурки выглядят как живые, миниатюрные копии в настоящей одёжке. Никогда прежде не доводилось мне видеть подобного чуда. Когда я нагляделся в своё удовольствие, то вошёл внутрь и, дождавшись своей очереди, спросил, сколько это стоит, намереваясь потратить больше разумного, если придётся.

- Не продаётся, - бросил продавец, взглянув исподлобья. – Что-нибудь ещё?

- Нет ли у вас других восковых фигурок? – спросил я.

- Нет, - коротко отозвался он.

- А вы точно уверены, что сценка из «Малыша» не продаётся? - продолжал допытывать я.

Мне показалось, он не знает, кого именно изображают фигурки, потому что на миг на его лице вспыхнуло непонимание, пока он не сообразил, что я имею в виду.

- Это подарок мистеру Вигу, владельцу магазина. Восковая поделка выставлена в витрине, но не продаётся. Если вы не собираетесь ничего покупать, то отходите. Не видите разве, что здесь полно людей, желающих что-то купить, а не тратить время на болтовню.

Я покинул лавку, негодуя на не слишком-то любезный ответ продавца, на вид даже моложе меня. Но у меня было не то настроение, чтобы затевать ссору, поэтому я ещё раз принялся изучать глазами восковую копию, изготовленную с большой точностью и подробностями, несмотря на небольшие размеры. Даже одежда была пошита со всей тщательностью, и волосы, и ботинки, и тросточка великого комика. Тут я заметил авторский автограф. Крохотные буквы едва читались. Скримдж.

Если изготовлением восковых фигур занимается кто-то из местных, я расспрошу об их создателе кого-нибудь более словоохотливого. Мне бы хотелось познакомиться с мастером и узнать больше о его работе. Возможно, я захочу купить какую-нибудь другую маленькую сценку из воска.

Я поехал дальше, желая в первую очередь отыскать подходящее жильё, а потом уже заняться остальным. И мне повезло. Я услышал разговор двух женщин и узнал, что одна из них хозяйка гостиницы, которая как раз жалуется на то, что сезон закончился и постояльцев нет совсем. Тогда я поспешил представиться обеим и отрекомендовался как путешественник, которому как раз нужна комната на пару дней.

Хозяйка, миссис Темпл, с радостью согласилась принять меня. Гостиница её был устроена в старом доме, в пристройке к которому проживала она сама. На первом этаже располагалась столовая с завтраком и ужином на табльдоте и общая гостиная, а на двух этажах помещались комнаты для постояльцев. Мы быстро сошлись в цене, потому что в этом месте

чувствовалась заботливая женская рука, да и велосипед не нужно было оставлять под открытым небом или в грязном сарае, а ей не хотелось терять такого клиента после завершения сезона, и миссис Темпл показала мне комнату на солнечной стороне. Когда всё было осмотрено и мелкие детали обговорены, а владелица собралась уходить, я решил спросить её о неком Скримдже. Она оказалась скорой на язык женщиной и уже немного рассказала мне о себе. О том, что всю жизнь прожила в этих местах, что, когда муж её умер, она переоборудовала их дом под гостиницу, чтобы было на что жить, и что на каникулы в их городок во множестве съезжаются студенты.

Итак, я спросил:

- Не знаете ли вы здесь кого-нибудь по фамилии Скримдж?

- Откуда вы услышали о подобном человеке? – спросила благоприятная женщина, переменившись в лице в точности, как тот продавец.

Я объяснил ей, что случайно меня заинтересовала безделушка из воска, выставленная в витрине, на которой я разобрал авторский росчерк.

- Мистера Скримджа в городе не слишком жалуют, - пояснила она, когда я был вынужден повторить свой вопрос, потому что первый она проигнорировала.

- Где он живёт? Кто по профессии, вы знаете? – продолжал настаивать я, потому что сообразил, сама она не заговорит.

- Руфус Скримдж – восковых дел мастер. У него талант от природы, этого не отнимешь, да. Настоящий дар у подобного человека, - её передёрнуло. – Он редко появляется в городе. Всё необходимое ему доставляют слуги или он ездит сам в другие места. Недавно он внёс значительно пожертвование на постройку нового храма. Его изделия выставлены не только в витрине магазина Вига. Вы можете видеть их у шерифа в участке, в магазине женского готового платья. На почте есть, в библиотеке стоят две. Его герои из кинофильмов могли бы поспорить со знаменитостями мадам Тюссо. Его изделия пользуются спросом. К нему приезжают богатеи из других штатов и покупают по нескольку штук за раз, но он никогда не работает на заказ. Продаёт только готовое, то, что сам хочет делать. Говорит, не может своим рукам приказывать работать иначе.

- Мне кажется, его у вас недолюбливают, - произнёс я, чувствуя, что в этом деле может скрываться нечто интересное по моей теме.

- Четырнадцать лет назад у него умерла молодая жена при загадочных обстоятельствах. О нём стали говорить…, - она замешкалась, одёрнув себя, что разболтала больше, чем следовало.

- Что? – не унимался я.

- О мистере Скримдже ходят разные слухи, но всё это пустая болтовня. Не берите в голову. Я вот тут с вами заболталась, а у меня ещё дела на кухне. Простите, но мне надо идти.

Не было у неё никаких дел, ведь я был её единственным постояльцем. Она так сказала, чтобы избавиться от навязанной ей неприятной темы разговора. Она что-то такое знала, но скрывала. Ну, я найду кого-нибудь другого, у кого развяжется язык.

Мне захотелось есть, и я решил пойти туда, где собираются местные жители, потому что подобный фактор - залог успеха для любого заведения. Я догнал хозяйку на лестнице, и она указала мне на забегаловку неподалёку, качая головой. Но в её гостинице были не предусмотрены перекусы, так что в скором времени я уже сидел и поедал горячий стейк и свежайшие сандвичи с тунцом. Однако со стороны местных фермеров наткнулся на упорный камень молчания. Как только я завёл разговор о восковых дел мастере, меня перестали замечать, а двое внезапно вспомнили о неотложном деле и поспешили уйти. И так буквально везде. Не только в этой закусочной. В других местах тоже, когда я отправился исследовать улицы.

Добрался я, кстати, и до почты. У них там на главной конторке стояла фигурка сидящей на бочке Лолы из фильма «Голубой ангел». Стиль выполнения и автограф оставались в точности теми же. Я невзначай спросил, в каком доме проживает мистер Скримдж.

- Вы прибыли к нам издалека? – почтмейстер посмотрел на меня поверх очков.

- Да, и желал бы купить нечто подобное, - я указал на фигурку. – А для этого мне нужно переговорить с тем, кто подобную вещь изготовил.

Я решил пойти на хитрость, чтобы хоть что-то узнать о наводящем такую неприязнь человеке.

- Он живёт на окраине на западной стороне. Большой дом с башенками. Вы его не пропустите. Это последний дом, а дальше только болота.

- На велосипеде можно доехать?

- Да. Езжайте по главной улице, она вас выведет куда надо.

Я поблагодарил, но в дверях он окликнул меня.

- Эй, мистер, не задерживайтесь там до темноты. Фонарей нет, свернёте не туда и легко можете заблудиться, да и невзначай угодите в трясину.

- Спасибо.

А вот это предупреждение уже намного интереснее. Если местные жители бояться проходить рядом с домом после темноты, значит, это место и его владелец могут быть связаны со сверхъестественным. Наверняка именно по этой причине к Скримджу относятся с осторожностью. Что-то здесь произошло четырнадцать лет назад. И мне было бы особенно интересно восстановить давний эпизод в подробностях.

Через три четверти часа я прибыл на место и рассматривал обособленный дом с двумя башенками в бинокль. Как я понял, дом этот был частью старинного поместья, окружённого землями, а городок за моей спиной мог когда-то быть небольшой деревушкой. В этом особняке должно было быть огромное количество комнат, но многие окна были заколочены или наглухо закрыты ставнями. Действующих окон я насчитал на первом этаже два, а на втором – три. Должно быть, хозяин сейчас не использует и половины помещений, да и парк в большом запустении. И я отметил, что от какой-то пристройки остался и вовсе один фундамент.

Я решил отложить посещение на завтрашний день и собрался в обратный путь, но проехал немного, когда навстречу мне вышел бродяга и спросил, как если бы мы были давними приятелями:

- Ну, посмотрели Восковый дом?

- Что? – переспросил я, не поняв.

- Дом, в котором живёт мастер по воску, - лениво пояснил он и махнул рукой куда-то за мою спину.

- Вы знаете что-нибудь о событиях четырнадцатилетней давности? – спросил я, слезая с велосипеда и подходя ближе. Этот бродяга не вызывал отвращения, будучи каким-то облагороженным. Я бы не удивился, узнав, что он утюжит свои лохмотья.

- Сигаретку бы…, - мечтательно протянул он.

Я оделил его двумя.

- Говорят, четырнадцать лет назад в Восковом доме произошло убийство. Я был одним из немногих, кто находился поблизости, когда приехал шериф, разбираться, что же на самом деле произошло там ночью. Прежний шериф был хороший человек. Не чета нынешнему, который только и способен, что гонять тех, кому нечем прокормиться. В тот день хозяин единственный раз впустил посторонних в комнату, где занимается своим ремеслом. Плавит воск, ну всё такое.

- Что же, он никогда не позволяет другим наблюдать, как работает?

- Никогда. Готовые изделия он выносит в мастерскую. Там их может посмотреть любой, а вот в цех, где закипает горячий воск, он не допускает никого.

- Так что же произошло в тот день?

- Руфус Скримдж сказал шерифу, что его жена случайно упала в чан с горячим воском и пробыла в нём несколько часов, пока он не нашёл её обезображенное тело. Говорят, лицо её из-за застывшего воска приобрело жуткое выражение. Судя по всему, это был несчастный

случай. Он строго настрого запрещал ей входить в цех, а в тот час пол был вымыт и не успел просохнуть. Она поскользнулась и упала в кипящий воск. У неё, знаете ли, случались припадки эпилепсии. Муж не мог оказать ей помощь, потому что был на улице. Кто знает, зачем ему понадобилось выходить среди ночи. Но есть и другая версия, - он выжидательно умолк.

Несколько мгновений мы молча таращились друг на друга.

- Мне бы, мистер, промочить горло. Я утомился рассказывать.

Я понял, на что он надеется, и хмыкнул, удивляясь его хитрости. Я дал ему несколько монет со словами:

- Вам лучше известно, где можно удачно промочить горло.

- К счастью, это так, но у меня ещё найдутся силы, чтобы досказать самое интересное. Слушайте. Все в городе знали, как Руфус ревнует молодую жену. Он с неё глаз не спускал. Она не могла появляться в городе одна, без него. А была она писаной красавицей. И когда он вернулся после долгой отлучки с молодой женой, все могли только гадать, по какой причине она решила связать себя узами брака с человеком вдвое старше себя, да вдобавок некрасивого, угрюмого и склонного к уединённой работе. Какую жизнь он мог предложить молодой женщине, привезя её в такую глушь? Неудивительно, что она тосковала. Никто с точностью не мог утверждать, что он её бьёт, но запоздалые путники нередко слышали, как они бранятся и скандалят у открытого окна. Она была скромна, но не готова к жизни в заточении, так что его ревнивые упрёки основывались не на пустом месте.

И вот мистер, я подхожу к самой главной части. В тут ночь она вовсе не случайно упала в чан, и приступ эпилепсии тут ни при чём. Это он в припадке буйного гнева, не соображая, что делает, толкнул её в кипящий воск, да ещё наблюдал, как она становится похожей на обезображенный манекен. Когда он пришёл в себя и осознал содеянное, ему пришло в голову выдать своё преступление за её неосторожность. Шериф ему поверил, а может, не стал копаться в этом, ведь незадолго до её кончины кукольник пожертвовал крупную сумму на ремонт нашего полицейского участка, и сам мэр благодарил его. Он словно предвидел, что ему понадобится защита закона. На похоронах Скримдж лил крокодиловы слёзы. Но мало кто верил, что он любил свою жену по-настоящему. С тех пор гости у него стали бывать всё реже и реже, да и слуг осталось лишь трое. Он сделался настоящим затворником. Все дни посвящает работе. И некоторые стали говорить, что видели в темноте блуждающую неясную тень цвета индиго, расхаживающую в его парке или у болот. А жену как раз он и похоронил в платье такого цвета. Это её призрак, не нашедший упокоения, ждёт своего часа, чтобы отомстить, а нечестивая совесть супруга не позволяет ему больше общаться с другими людьми как прежде. Вот почему здесь пустынно в тёмное время суток, а в канун Дня Всех Святых даже слуги не решаются оставаться в доме на ночь. Когда-нибудь Скримджа постигнет возмездие за то, как он обошёлся с невинной женщиной, и, надеюсь, я в этот момент буду как можно дальше отсюда. В канун Дня Всех Святых граница между мирами стирается, поэтому мстительница придёт именно в этот день. Это несомненно, как и то, что меня зовут Джим Морриган.

Мы уже почти добрались до более обжитых мест, и бродяга поспешал распрощаться со мной, чтобы последовать ему одному ведомым путём на встречу с бутылкой. Я же решил сходить в библиотеку, попробовать что-нибудь отыскать в старых газетах по этой теме. Мне уже дважды встречались убийцы, которых призрак их жертв доводил до гибели, так что Руфус Скримдж, будучи ещё живым, представлял для меня всё больший интерес. И конечно я знал, что пьяница немного приукрасил, отрабатывая данные мною деньги, и что на деле всё окажется менее ужасающим.

В библиотеке я просмотрел подшивки старых газет четырнадцатилетней давности, выискивая какие-нибудь упоминания о событии, занимающем меня. Но ровным счётом ничего написано не было. Кончина женщины от несчастного случая не представляла интереса для обывателей. Нашёл только краткую заметку о том, что в канун Дня Всех Святых скончалась

Марион Сеймур Скримдж на двадцать первом году жизни. Но подобное объявление мог дать и её муж.

Так что в завершение этого дня я отужинал у миссис Темпл, слушая её бесконечную болтовню и ничем не выдавая своих дальнейших намерений в отношении Воскового дома и его хозяина, к которому намеревался завтра направиться. Мне было интересно, что думает сам Скримдж по поводу слухов о своей персоне. Я решил смотреть по обстоятельствам, как вернее завязать беседу и когда лучше упомянуть, что я исследователь, занимающийся фольклором. День прошёл плодотворно, заснул я мгновенно и проспал до самого утра, не просыпаясь.

Я позавтракал и предупредил хозяйку, что буду отсутствовать весь день. С утра на небе не было ни облачка, да и вобще было достаточно жарко для последних дней октября. Воздух был каким-то стоячим, сгустившимся, как туман. Непредвиденные обстоятельства и важный звонок, который мне было необходимо сделать, а также ремонт небольшой поломки велосипеда – всё это, как незначительные помехи, заставило меня выехать намного позже, чем я планировал. Только подъехав к Восковому дому, как я теперь тоже стал его называть, я вспомнил, что сегодня канун Дня Всех Святых. Что ж, тем интереснее будет войти внутрь.

Я вошёл в запущенный парк через покосившуюся калитку. Видимо, надобности в её ремонте не наблюдалось, раз желающих войти внутрь всё равно не было. Крыльцо с тремя ступенями было оборудовано крытым навесом, под которым я пристроил свой велосипед. Затем я постучал дверным молотком, испытав такое чувство, что переместился на два десятилетия назад, когда считалось модным перестраивать старинные усадьбы по причине нехватки финансов на содержание больших хозяйств и домов. Удручающее состояние сада и ни души вокруг ещё более усиливали впечатление, что я шагнул в прошлое.

Дверь мне открыл пожилой человек в костюме не слишком новом, кое-где заштопанном, кое-где истёртом и выгоревшем от долгого ношения. Я принял его за одного из немногочисленных слуг, тем более что держался он как-то согбенно или устало, а может напряжённо. В этот день этот дом должен быть им особо не мил.

- Я бы хотел видеть вашего хозяина, - заявил я, ожидая, когда меня впустят внутрь такого занимательного здания.

- Вам нужен Руфус Скримдж? – уточнил он.

- Да, - я подумал, меня сейчас спросят по какому делу.

- Это я, - ответил просто этот скромный человек, добродушный, но одновременно какой-то утомлённый.

Вот так конфуз! Мне стало очень неловко.

- Тысяча извинений, мистер Скримдж, я принял вас за…

- Моего дворецкого, - продолжил он и улыбнулся, понимая, что я должен сейчас испытывать. – Ничего страшного, молодой человек. Я понимаю, что вы подумали так из-за моего костюма, но я привык ходить по дому в удобной одежде. К тому же сегодня я никак не ожидал гостей. В канун Дня Всех Святых мой дом стараются обходить десятой дорогой. Откуда вы прибыли к нам?

- Издалека, и к суевериям я отношусь иначе. Я пришёл, чтобы поговорить с вами о…

- Моих работах, - опять продолжил он за меня и вновь улыбнулся. – Вы увидели мои восковые изделия где-то, и они вам приглянулись. Заходите.

- Вы очень любезны.

- Из слуг у меня только садовник да повариха, его жена. Сегодня они не работают. Что касается моего дворецкого, он готовит всё для того, чтобы я с удобствами в одиночестве провёл время до завтрашнего утра, тот единственный срок, на который он покидает меня раз в году. Я был неподалёку, когда вы постучали, так что сам и открыл.

Меня поразило, что хозяин так подробно объясняет, почему сам открыл дверь, но ему, наверное, уже до тошноты надоели расхожие домыслы. Вот и ответ, как он относится к слухам.

Я представил, как он устал выслушивать всякие грязные сплетни о своей покойной жене и себе самом. Неудивительно, что у него нет никакого желания появляться в городе и звать гостей.

В холле чувствовалось запустение, потому что никакой мебели не было. Большое помещение, сквозь которое просто проходят мимо. Я отметил, что дом понемногу начал разрушаться. И пока хозяин показывал дорогу в свой кабинет, я в этом всё больше убеждался. Он, наверное, понял это по моему выражению лица, особенно, когда я покачал головой, разглядывая большую трещину в стене второго этажа.

- Деньги, что я получаю от продажи своих работ,- начал он, - почти все уходят на поддержание вполне сносного существования и покупки вещей, необходимых мне для изготовления восковых фигур. А остатка на приличный ремонт не хватает.

- Вы не думали перебраться куда-нибудь в другое место?

- Это невозможно. С этим домом меня связывает многое. Я знаю, что умру в нём.

Это он о своей жене, подумалось мне.

- Дом, конечно, плох. Больше половины помещений не используется. Я живу в мастерской, пользуюсь кабинетом, столовой, да в цехе смешиваю и плавлю воск. Слуги живут в отдельной пристройке, но и оттуда на один день в году они уходят, чтобы переночевать в городе, - он вздохнул.

- Вы говорите о кануне Дня Всех Святых?

- Да. То, что произошло здесь четырнадцать лет назад, лишь ухудшило моё состояние. Ведь и до того меня считали отшельником, а ныне я живу как настоящий затворник.

Я понял, что наступил тот самый момент, когда можно начать приступать к расспросам. Но нам помешал вошедший дворецкий, на вид даже старше хозяина, однако продолжающий сохранять гордость и выправку верного и незаменимого слуги.

- Я оставил еду в столовой, сэр. Холодный ужин и закуски. Через некоторое время я уйду, сэр.

- Хорошо, Винсен.

Дворецкий Винсен исчез так же незаметно, как вошёл.

- Вы не согласитесь разделить со мной послеполуденную трапезу? Я привык принимать пищу рано, чтобы потом ничто не отрывало меня от работы.

Я кивнул, надеясь за столом продолжить беседу на интересующую меня тему. Столовая оказалась не такой уж большой, в жёлтых и бежево-золотистых тонах. Через полуотворённое окно задувал лёгкий ветерок и играл тонкими занавесками. Хозяин сам поставил передо мной приборы и предложил холодной говядины и превосходного прошлогоднего кларета, за которые я щедро принялся. Он трижды взглядывал куда-то мне за спину, и я тоже решил посмотреть туда и обернулся. На стене за моей спиной висел в золочёной раме портрет молодой женщины с ангельской внешностью. Никогда ещё мне не доводилось видеть такого хорошенького личика.

- Ваша жена? – с некоторым благоговением уточнил я.

- Марион. Я любил её так крепко, что не существует слов для сравнения. Вы ведь знаете, что говорят о том дне? – он не мог подобрать других слов, но я понял его.

- Да, я слышал эту печальную историю.

- Она умерла такой молодой. Этот несчастный случай мне никогда не забыть… В её гибели я винил только себя. Я должен был предусмотреть, что, как и все женщины, когда-нибудь она нарушит мой запрет. Я должен был обезопасить цех, но всегда, когда я работаю, я не вижу и не слышу ничего. Потом я вымыл пол и ушёл, и слишком долго туда не возвращался, - он тяжело вздохнул.

- Можно мне подойти поближе к портрету?

- Конечно, вы мой гость. Уже давно я не исполнял ничьих просьб.

Он включил свет, когда я встал перед картиной, и полотно заиграло новыми красками. Женщина выглядела как живая. Порой даже фотографии не удаётся передать такой точной

схожести, вернее, душевности. Марион была в платье цвета густого индиго с тугим корсажем и перчатках в тон. На её пальце было кольцо с крупным камнем цвета глубокого ультрамарина.

- Такой я её похоронил. В том, что она любила. Это кольцо я подарил ей в день помолвки. Лазурит, редкий цвет этого камня. В Афганистане различают следующие его сорта: ценный ниили (индигово-синий), менее ценный асмани (небесно-синий) и дешёвый суфси (зеленовато-синий). Этот из древнего рудника – лазуритовых копей в Бадахшане. Индигово-синий, её любимый цвет. Он так шёл к её тёмным волосам и насыщенным синим глазам. Хотите посмотреть её комнату?

Он удивил меня своим вопросом, этот странный человек, но я согласился. Я уже не сомневался в том, что слух об убийстве – выдумки на пустом месте, но, когда он привёл меня в её покои, я вполне постиг, что, как человек мягкий, он не способен ни на убийство, ни на приступы безумной ревности, а его кажущаяся угрюмость лишь следствие склонности к уединению.

- Здесь всё, как было при жизни Марион. Всё, как она любила, - он обвёл рукой комнату, как только мы вошли.

Четырнадцать лет уже не существовало той женщины, но её присутствие чувствовалось здесь так явно, будто она ушла на прогулку, а мы без ведома вдруг вторглись в её сокровенное. Её образ был оживлён крепостью его воспоминаний. Я почувствовал себя неловко. Их совместная фотография на комоде, кружевные скатерти, салфеточки, подушечка у подножия кресла, заправленная кровать с откинутым уголком одеяла, шпильки и булавки на столе, расчёска, зеркальце – личная жизнь, частью которой пытался стать посторонний, каким был я.

- До сих пор я ощущаю её присутствие рядом со мной, - Руфус Скримдж глубоко вздохнул.

Он опирался рукой на камин, но одно неловкое движение, и корзиночка с рукоделием покатилась по полу, теряя содержимое. Он подскочил к ним и начал подбирать как драгоценные реликвии. Вот он прижал какое-то недовязанное изделие к сердцу. На это было невыносимо смотреть, а ведь прошёл не год, не два, а все четырнадцать.

- Если не возражаете, мне бы хотелось взглянуть на вид из окна в конце галереи. Оттуда, кажется, замечательный обзор окрестностей.

Но он не слышал меня, так что я поскорее вышел, не в силах долее задерживаться в комнате. Хорошо, что в доме не так уж много подобных помещений с такой угнетающей атмосферой. Я посочувствовал страданиям этого человека.

Из окна в галерее можно было видеть холмы вплоть до самого горизонта. По небу лениво плыли кучевые барашки.

- Умоляю простить меня, молодой человек, - я обернулся к хозяину, вышедшему из комнаты. – Вы пришли ко мне, чтобы поговорить о деле, а я вместо этого заставил вас знакомиться с моей покойной женой. Всё дело в том, что я редко принимаю гостей. Обычно ко мне приходят по делу, и я беседую с клиентами, которых Винсен приводит в мастерскую.

Я заверил его, что мне было интересно и что, к тому же, я вольный человек, так что, даже если я весь день проведу в его доме, с меня не убудет. Тем более, я уверен, в каждой комнате есть, на что взглянуть.

Так что мистер Скримдж снова пригласил меня в его кабинет, где мы и начали нашу занимательную беседу. Я не возражал, чтобы сперва он рассказал мне о своей работе, как к нему приходят идеи, с чего начинаются заготовки, а потом показал уже готовые изделия в мастерской. Рассказчик он оказался неплохой, так что я и не заметил, как пролетело полтора часа, за которые я ни разу не посмотрел в окно. Я понял, что работа с воском в его понимании – это настоящее искусство, а не ремесло. Но я и сам успел убедиться по его изделиям, что он мастер, а не какой-нибудь там ремесленник, который разыгрывает представление своих дешёвых восковых кукол на ярмарках. Я узнал также, что мистер Скримдж большой любитель кино,

из которого он и черпает вдохновение. Если он и покидает дом, так только чтобы отправиться в кинематограф. Но всё же даже там он старается оставаться незаметным на вечерних сеансах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.